

Протопопов Иван Алексеевич

ПОНЯТИЕ СВОБОДЫ И ИЗНАЧАЛЬНАЯ СКЛОННОСТЬ КО ЗЛУ В ФИЛОСОФИИ КАНТА

Статья посвящена анализу понятия зла в философии Канта. Немецкий мыслитель считает, что любой человек изначально склонен к принятию зла по своей природе. Главную причину зла Кант находит в таком расположении к нему, которое заложено в каждом человеке как свободном субъекте всех морально злых максим. Эта свобода выражает высшую человеческую природу, определяемую такой деятельностью нашего практического разума, руководствуясь которой мы избираем для себя всеобщий закон добра или противоположные ему максимы зла.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/39.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 156-159. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

с лестницей, имевшей встречные марши [Там же, л. 21]. Каменный казенный дом в деревне Кувашиной Златоустовских заводов представлял собой усадьбу с одним большим внутренним двором. Главное здание – Г-образное в плане – было решено в стиле классицизма. Вся композиция выглядела несколько надуманно для такого небольшого сооружения [Там же, л. 20]. С другой стороны, казенный дом в деревне Веселовской Златоустовских заводов был спроектирован по типу крестьянской усадьбы с двумя внутренними дворами. Строения бревенчатые, ограждение двора также из бревен. Дом по планировке – типичная изба со связью [Там же, л. 24].

Таким образом, жилая архитектура сел Южного Урала в XVIII – первой половине XIX века отличалась значительным разнообразием. Тенденции ее развития определялись многонациональностью населения региона и централизованным введением образцовой классической застройки.

Список литературы

1. Лепехин И. И. Записки путешествия академика Ивана Лепехина. СПб.: Императ. акад. наук, 1821. 423 с.
2. Романова М. Н., Щанкина Л. Н. Планировка и внутреннее обустройство жилища мордвы Республики Мордовия и Дальнего Востока // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 1. С. 148-152.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 63 П.
4. Чагин Г. Н. Архитектурный облик слободы Невьянского завода начала XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 1. С. 187-189.
5. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии. Уфа: Губ. тип., 1859. 406 с.

NATIONAL TRADITIONS IN SOUTHERN URAL RESIDENTIAL ARCHITECTURE FORMATION OF THE XVIIITH-XIXTH CENTURIES

Elena Vladimirovna Ponomarenko, Doctor in Architecture, Associate Professor
Scientific-Research Institute of Architecture and Urban Planning Theory and History
Russian Academy of Architecture and Building Sciences
evpon@mail.ru

The author considers the features of the main ethnic groups' dwellings in Southern Ural of the XVIIIth – the first half of the XIXth century, conducts the analysis of national architectural traditions and their embodiment in concrete structures basing on eyewitnesses' recollections and archival researches, and reveals portable and stationary dwellings main types by material, planning layout and farmstead territory planning, as well as the peculiarities of the interior organization of ethnic groups' national dwellings.

Key words and phrases: portable dwelling types; temporary and permanent dwellings; Bashkirs and Tatars' dwellings; Mari, Udmurt and Chuvash farmsteads; Mordovians and Russians' residential constructions; exemplary projects of residential buildings.

УДК 17.031

Статья посвящена анализу понятия зла в философии Канта. Немецкий мыслитель считает, что любой человек изначально склонен к принятию зла по своей природе. Главную причину зла Кант находит в таком расположении к нему, которое заложено в каждом человеке как свободном субъекте всех морально злых максим. Эта свобода выражает высшую человеческую природу, определяемую такой деятельностью нашего практического разума, руководствуясь которой мы избираем для себя всеобщий закон добра или противоположные ему максимы зла.

Ключевые слова и фразы: понятие зла; свобода; человек как субъект всех злых максим; практический разум; всеобщий закон добра.

Иван Алексеевич Протопопов, к. филос. н, доцент
Кафедра философии и культурологии
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
stiff72@mail.ru

ПОНЯТИЕ СВОБОДЫ И ИЗНАЧАЛЬНАЯ СКЛОННОСТЬ КО ЗЛУ В ФИЛОСОФИИ КАНТА[©]

Как вообще возможно зло, и почему оно так укрепилось в человеческой природе, если нравственный закон необходимым образом определяет нашу свободную волю? Заключается ли принцип зла только в том, что мы следуем, в противоположность нравственному долгу, нашим чувственным желаниям, которые определяют нас извне, и теряем при этом свою умопостигаемую свободу? Эти важнейшие вопросы Кант в поздний период рассматривает уже под совершенно иным углом, нежели чем в «Критике практического

разума», и приходит к печальному выводу об изначальном зле человеческой природы, который изрядно озадачил его современников, но оказал решающее влияние на формирование этических концепций немецкой классической философии [3, с. 32–40].

О зле, свойственном человеческой природе, и связанным с ним основополагающим образом понятию свободы Кант говорит в работе «Религия в пределах только разума», в первой её части, которая называется «О существовании злого принципа наряду с добрым, или об изначальном зле в человеческой природе». Прежде всего, кенигсбергский философ насмешливо замечает, что жалоба на то, что мир лежит во зле, так же стара, как сама история. Самый же старый среди всех вымыслов относительно её начала – это религиозное представление о том, что мир начинается с добра – с золотого века, с жизни в раю или даже со счастливой жизни в общении с небесными существами. Но это счастье скоро исчезает как сон, и впадение во зло ускоренным шагом торопится к худшему так, что мы теперь живём в последние времена, и на пороге у нас день страшного суда и конец света [Там же, с. 18].

Более сочувственно Кант относится к другому воззрению, которое, представляя полную противоположность первому, состоит в том, что мир хотя и едва заметен, но беспрепятственно идёт как раз в обратном направлении, а именно от плохого к лучшему. Сам Кант полагает, что человек от изначального зла, в которое он склонен впасть по своей природе, должен постепенно продвигаться к благу. Для того чтобы назвать человека злым, надо иметь возможность из его поступков *a priori* сделать вывод о злой максиме, которая их определяет, а из этой максимы – о заложенном в каждом субъекте основании всех отдельных морально злых максим [Там же, с. 19–20].

Таким образом, главную причину зла или злых поступков человека Кант находит в «Религии в пределах только разума», в отличие от положений «Критики практического разума», в таком расположении к нему, которое заложено в каждом человеке как субъекте всех морально злых максим. При этом для наименования этого всеобщего определяющего основания нашего воления к злу Кант прибегает к понятию природы. Однако это вовсе не чувственная человеческая природа, но та высшая природа, которая определяется свободной деятельностью нашего практического разума, исходя из которой мы определяем себя к добру или злу [Там же, с. 20].

Под природой человека здесь подразумевается субъективное основание применения его свободы, причём под властью объективных моральных законов, которое предшествует всякому действию в чувственно воспринимаемом мире. Вся трудность состоит в том, что это субъективное основание всегда должно также быть актом свободы, поскольку иначе применение произвола или злоупотребление им не могло бы быть вменено нам в вину, и тогда нельзя было бы называть доброе или злое в нём моральным. Разрешение этой трудности Кант видит в том, что «основание злого находится не в каком-либо объекте, который *определяет* произволение посредством склонности, и не в каком-либо естественном побуждении, а только в правиле, какое произволение устанавливает себе для применения своей свободы, т.е. в некоторой максиме» [Там же].

Таким образом, вовсе не наши чувственные склонности, но предшествующие этим склонностям правила или максимы, противоречащие нравственному законодательству, которые мы произвольно избираем, есть определяющее основание зла. Причём об этой максиме уже нельзя спрашивать дальше, почему в человеческом разуме имеется субъективная причина выбора именно этой, а не противоположной максимы. Таким образом, заложенное в каждом человеке как разумном субъекте основание возможного морального зла представляет собой, согласно Канту, субъективное основание применения свободы, выражаемое в правиле, которое наш произвол устанавливает для такого применения [Там же].

Тем самым, человек как разумный субъект представляет собой единственную причину произвольного определения себя к тому бытию, которое полагается им самим как добро, когда он руководствуется объективным законом. С другой стороны, когда человек руководствуется только своим субъективным произволением, в противоположность объективному закону, он выступает причиной зла. Но именно поэтому человек по самому субъективному свойству своей свободы, которая может определяться независимо от объективного закона, согласно Канту, является изначальным злым [Там же, с. 32].

Человек зол по своей природе вовсе не потому, что его свобода объективно определяется чувственными влечениями, но как раз наоборот, он оказывается зол потому, что свободно, на основании ничем не определяемого произвола своего разума избирает максиму зла, реализуемую через следование чувственным влечениям. Таким образом, нет никаких оснований того, почему человек зол, кроме него самого и его свободы, он – единственное основание избрания максимы зла. Вне человеческого произволения зло само по себе не имеет никакого основания для своего существования.

Здесь, однако, следовало бы задать совсем, казалось бы, простой вопрос: а каким образом зло вообще может избираться само по себе и быть, таким образом, принятым нашим произволением, если его принцип изначальным образом вовсе не состоит из реализации наших чувственных желаний? Предварительный ответ на этот вопрос достаточно очевиден: самоопределение человека ко злу возможно только потому, что оно приводит его к некоему благу, которое он избирает для себя на основании ложно понятого принципа добра. Но этот ответ никаким образом не может быть согласован с кантовской позицией, согласно которой единственным принципом высшего добра в нашем разуме выступает нравственный закон. Этот закон предопределяет свободное произволение человека к добру, даже если человек в реальности по своему произволу выбирает максимы, противоположные этому закону. В этом случае он будет как раз избирать их как принцип зла, а вовсе не как нечто, что он будет субъективно сам для себя считать законом добра, как считал, например, Аристотель.

Можно ли тогда сказать, что человек оказывается злым по своей природе именно потому, что он сам по себе свободен, и что, таким образом, сама сущность зла коренится в человеческой свободе, как полагали

после Канта Шеллинг и Гегель? Кант утверждает, что «если мы говорим: человек по природе добр, или он по природе зол, то это значит только то, что он имеет в себе (непостижимое для нас) первое основание принятия добрых или принятия злых (противных закону) максим, и притом как человек вообще, а стало быть, через них он выражает также характер своего рода» [Там же, с. 20–21]. Таким образом, причина того, почему мы выбираем добро или зло, никоим образом указана быть не может.

Несмотря на то, что избрание добра необходимо и объективно само по себе, но происходит оно только потому, что свободное произволение и есть единственное всеобщее субъективное основание самоопределения человека либо к добру, либо ко злу. В «Основоположениях метафизики нравов» Кант, однако, говорил о том, что воля является свободной только тогда, когда она следует безусловно необходимому нравственному закону, а вовсе не когда произвольно отклоняется от него: «Безусловное же веление не оставляет воле никакой свободы в отношении противоположного [решения], стало быть, лишь оно и содержит в себе ту необходимость, которую мы требуем от закона» [2, с. 194].

С другой стороны, «автономия воли есть такое свойство воли, благодаря которому она сама для себя закон (независимо от каких бы то ни было свойств предметов воления). Принцип автономии сводится, таким образом, к следующему: выбирать только так, чтобы максимы, определяющие наш выбор, в то же время содержались в нашем волении как всеобщий закон» [Там же, с. 219]. Всеобщим для нас самих этот закон становится лишь потому, что мы сами определяем свою волю как устанавливающую для самой себя этот закон в тех выбираемых ею правилах внешних действий, которые изначально бы содержались в ней самой. Именно поэтому свободная воля и воля, подчинённая нравственным законам, здесь одно и то же.

В «Критике практического разума» Кант выражает мысль о соответствии воли и нравственного закона следующим образом: «Воля, максима которой всегда сообразна с этим законом, *безусловно, во всех отношениях добра* и есть *высшее условие всего доброго*» [1, с. 448]. Принцип зла состоял, напротив, согласно установкам этих кантовских работ, в том, что воля не определяет свободно сама себя на основании определенной всеобщей максимы, но определялась внешним образом в противоположность этому закону чувственными склонностями индивида. Однако сообразно положениям «Религии в пределах только разума», несмотря на то, что максимы, которые выбираются нашей свободной волей как относящиеся к добру или злу, являются в действительности противоположными друг другу, субъективно они в равной мере представляют общее правило действий человека, к которому он определяет сам себя, независимо ни от какого иного чувственного мотива [3, с. 30–31].

Таким образом, независимо от того, какую максиму человек выбирает в своём произволении, его воля в любом случае будет устанавливать такое предполагаемое правило, в соответствии с которым она будет положительной причиной каких-либо действий, независимо от чувственных определяющих оснований. Тем самым Кант утверждает здесь такую положительную причинность нашего произволения, сообразно которой наша свободная воля выбирает и осуществляет и то реальное умопостигаемое бытие человека, которое относится также ко злу [Там же, с. 20–21]. Каким образом тогда из свободы, которая понимается в виде положительной причинности как тождественная нравственному закону, может следовать определение себя ко злу, и почему свободный человек изначально предназначенный к добру определяется также и как имеющий в силу всё той же своей свободы изначальное расположение ко злу?

Это расположение становится возможным, согласно Канту, только в виде изначальной склонности ко злу, которая имеется в самой человеческой природе. Поскольку же здесь речь идёт только о склонности к морально злomu, которое возможно только как определение свободного произвола в виде его максимы, то оно должно состоять в субъективном основании возможности отклонения максим от морального закона. Кант утверждает, что подобное расположение ко злу следует предполагать в любом человеке, даже и в самом лучшем по поступкам, если оно является действительно всеобщим и относящимся ко всем людям и к самой человеческой природе, основанной на свободе. При этом такая склонность определяется как постигаемое разумом изначальное действие, определяющее собой природу человека и то, как она проявляется в чувственно воспринимаемых действиях или поступках. В этом отношении «суждение: *человек зол*, согласно сказанному выше, выражает только то, что человек сознаёт моральный закон и тем не менее принимает в свою максиму (случайное) отступление от него» [Там же, с. 32].

Это случайное отклонение оказывается настолько переплетено с человеческой природой, что его можно предположить как субъективно необходимое в каждом, даже самом лучшем человеке. Причину этого зла, как полагает Кант, нельзя усматривать в чувственности человека и возникающих отсюда естественных влечениях [Там же, с. 32–33]. Но если зло изначально само по себе не имеет никакого непосредственного отношения к нашим чувственным желаниям, то оно должно определяться только в отношении нашего бытия, которое постигается разумом, но составляет противоположность бытию сообразно нравственному закону. Тем не менее, как полагает Кант, причину этого зла нельзя усматривать и в испорченности человеческого разума, как будто он в состоянии уничтожить в себе силу самого морального закона, и отрицать его обязательность, ведь это абсолютно невозможно [Там же, с. 36].

Каким же образом можно мыслить это субъективно всеобщее основание склонности человека ко злу в философии Канта? В «Религии в пределах только разума», переходя от вопроса о происхождении зла в нашей природе к рассмотрению темы о восстановлении первоначальных задатков добра, Кант замечает, что зародыш добра, несмотря на изначальною склонность ко злу у всего человеческого рода, остался во всей чистоте, и он в корне противоположен себялюбью, которое как принцип всех наших злых максим есть как раз источник зла [Там же, с. 47–48]. Как вообще мы можем понимать подобный принцип себялюбия, который в конце концов объявляется Кантом источником произволения ко злу?

В «Критике практического разума» себялюбие, определяемое только чувственным образом, понималось как стремление делать себя самого по субъективным причинам своего произвольного выбора объективным основанием определения воли. Если же оно делает себя законодательствующим себялюбием в качестве безусловного практического принципа, то оно становится тем, что Кант называет самомнением. Если мы применим эти определения к свободному интеллектуальному произволению ко злу, то очевидно, что общее определение себялюбия никоим образом не изменится. О таком интеллектуально определяемом себялюбии Кант прямо говорит в «Религии в пределах только разума» [Там же, с. 48]. Несмотря на то, что Кант применяет данное понятие себялюбия, как это не удивительно, к принципам действий, подчиненным моральному закону, оно вполне может применяться и к противоположным принципам самоопределения нашей воли ко злу.

Как отмечает в этой связи отечественный исследователь А. И. Тимофеев, по Канту, существует ещё и максима себялюбия безусловного удовольствия «независимо от выгоды или убытка следствий поступка. Это прямое удовольствие индивидуальной самодостаточности от простого “я есмь”, и оно как бы абсолютно обособляет индивидуума и является корнем радикального зла» [4, с. 53].

Список литературы

1. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Собр. соч.: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 373–565.
2. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собр. соч.: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 153–246.
3. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Собр. соч.: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 6. С. 5–222.
4. Тимофеев А. И. Исследование оснований бытия человека в классической немецкой философии. СПб.: СПбГУАП, 2000. 261 с.

FREEDOM NOTION AND INITIAL INCLINATION TO EVIL IN KANT'S PHILOSOPHY

Ivan Alekseevich Protopopov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and Culturology
St. Petersburg State University of Aerospace Instrument Engineering
stiff72@mail.ru

The author analyzes the notion of evil in Kant's philosophy. The German thinker believes that every person is initially inclined to accept evil by his nature. Kant finds the main reason of evil in such disposition to it, which is inherent in every man as the free subject of all moral evil maxims. This freedom expresses the highest human nature that is determined by such activity of our practical mind, in accordance with which we choose for ourselves the universal law of kindness or evil maxims opposed to it.

Key words and phrases: evil notion; freedom; man as all evil maxims subject; practical mind; universal law of kindness.

УДК 101.1:316:274/278

В статье рассматриваются принципы хозяйственной деятельности, присущие одной из конфессий христианства - протестантизму. В «поствеберовской» традиции утвердилось мнение, согласно которому протестантские догматы и этические принципы в немалой степени способствовали формированию капиталистического духа - рациональности, предприимчивости, стремления к успеху.

Ключевые слова и фразы: христианство; протестантизм; кальвинизм; старообрядчество; экономическое развитие; хозяйственно-трудовая деятельность; предопределение к спасению; аскетизм; религиозное этизирование; *calling*; самоправедность; прецианизация; эфиризация.

Александр Сергеевич Разин, к. филос. н., доцент
Алексей Вячеславович Белов, к. филос. н.
Кафедра философии, истории и политологии
Волгоградский государственный аграрный университет
razin-1978@yandex.ru; alexeybelov@bk.ru

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО АСКЕТИЗМА В ПРОТЕСТАНТИЗМЕ®

Если обратиться к проблеме влияния религии на отдельные внерелигиозные сферы жизни общества, то один из первых вопросов — роль религиозного фактора в хозяйственном развитии православных и западных стран. Вопрос о связи между христианством и развитием экономики на Западе горячо обсуждался и обсуждается учеными после появления трудов М. Вебера [18; 27; 28]. Хотя центральное положение веберовской концепции не разделяется многими исследователями, неоспоримым остается то, что религия действительно глубоко влияла на экономическое развитие любого общества [26, р. 36].